

Обостренное чувство такта

Разговор со скульптором Георгием Франгуляном

Международный конкурс на создание памятника Исааку Бабелю в Одессе выиграл московский скульптор Георгий Вартанович Франгулян. Я мог бы сказать – тбилисский скульптор, поскольку детство и юность мастера прошли в Тбилиси. Я мог бы сказать – армянский скульптор, и это тоже правда. Но Георгий Франгулян сегодня – человек, отвечающий на вызовы мирового искусства, думаю, ему тесно в любой национальной квартире. Достаточно вспомнить, где установлены его монументальные скульптуры.

Памятник Петру Первому в Антверпене, Александру Пушкину в Брюсселе, «Ладья Данте» в Венеции, императрице Елизавете в Балтийске, в Москве – Святославу Рихтеру, Борису Ельцину, Араму Хачатуряну, Булату Окуджаве на Арбате, Иосифу Бродскому в районе американского посольства.

Это монументальные работы, а на выставке в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, где Георгий Франгулян как бы частично воссоздал свою мастерскую, был блистательный ряд его камерных скульптур, восходящих к античным образцам, но осмысленных в XXI веке как «новая античность», картины маслом (скульптора манит цвет), рисунки... Кстати, его персональные выставки проходили и в Италии, и во Франции, и в Бельгии, далее – везде...

Два дня пробыл в этот раз Георгий Франгулян в Одессе. И мне показалось, что необходимо познакомить одесситов, где бы они сейчас ни жили, с мастером, который с детства влюблен в наш город. С мастером, чей памятник Бабелю на улице Жуковского стал одной из визитных карточек нашего города.

– Георгий Вартанович, давайте начнем нашу беседу в лоб: что такое, по вашему мнению, хороший скульптор?

– Во-первых, это большая редкость. Увы, это не то, чему обучают в институте. Это овладение языком, видением не предмета, а пространства. Я мало с кем могу говорить из тех, кто окончил скульптурное отделение, на одном языке. Мне кажется, что и я только овладеваю этим языком, так что не до того, чтобы поживать на лаврах. Слишком сложные задачи должен в работе решать хороший скульптор, он должен быть архитектором, живописцем, графиком. И в результате – скульптором. Ведь приходится работать в пространстве. Сама ситуация диктует тебе выбор стиля, манеры, а значит, пластическое решение. Скульптор должен тактично выступить на фоне существующей, не им созданной среды.

Следовательно, должно быть обостренное чувство такта. И все это естественно для хорошего скульптора.

– Мешает ли «литературность» сюжетов монументальной скульптуре? В какой мере скульптура должна «рассказывать», в какой – «показывать»?

– В монументальной скульптуре литературность должна быть. Но языком пластики я должен суметь передать идею. И этот язык должен быть прочитан зрителем без слов. На языке чувств. Не сюжет должен довлеть, а тема. Образ, созданный мной, метафора должны восприниматься зрителем естественно, как не требующие литературного объяснения.

Даже в античном искусстве преобладает композиционное воздействие на человека. Кстати, как и музыка, даже если она написана программно, все равно действует прежде всего на чувства. Скульптор должен обуздать сюжет, как мустанга. Это очень сложная задача. Нужно владеть языком символов...

– Георгий Варганович, вы упомянули античную скульптуру. А с кем из мастеров прошлого – от Фидия до Генри Мура – вы ведете тайный диалог в своей мастерской?

– Более 45 лет я занимаюсь своей профессией. Был период постижения, который и сейчас продолжается. Но уже не как ученик с учителями, общаюсь с великими. Недавно в Риме я смотрел на статую работы Микеланджело. Смотрел не со слепым восхищением, как в молодости, а осознавая, как достигнут результат, более того, поймал себя на мысли, что замечаю просчеты гения. И тут я подумал, что вошел в мировой цех скульпторов. Каждый должен осознать: или нужно все бросить, или стать звеном истории искусства. Это и есть миссия настоящего художника. Иначе это не искусство, а ремесло.

– А теперь вопрос более конкретный. Как у вас рождается замысел той или иной монументальной скульптуры?

– Вначале возникает предложение что-то сделать. А затем – у меня, во всяком случае, – огромная концентрация мысли, чувств, переживаний. И начинают появляться образные решения, точность видения. Я могу сравнить это с тем, что называют озарением. Кстати, это один из самых счастливых мигнов в работе скульптора. Потом ощущаю среду, думаю, как соприкасаться

с ней, как вписаться в нее. Скульптура – не предмет. Это решение пространственной задачи. Ты лепишь пространство, создаешь новое пространство – это все скульптура. Кстати, хорошие архитекторы – всегда скульпторы. Зимний дворец – это скульптура, весь Гауди – это скульптура. Это оркестр объемов.

– Замысел возник. В какой степени заказчик мешает или помогает? Были ли сложности с памятником Б.Н. Ельцину и его семьей?

– Признаюсь, чаще всего мне везет. Более комфортно, чем в работе над памятником Б. Ельцину, я себя редко чувствовал. Мне позвонили, объяснили, что и семья, и правительство хотели бы, чтобы я сделал надгробие Борису Николаевичу. Я спросил, есть ли какие-нибудь ограничения, пожелания. Никаких! И тогда, посмотрев пространство, учитывая, что невдалеке памятник Э. Неизвестного на могиле Н.С. Хрущева, я нашел образ, который меня устраивал. Никакого портрета, никаких украшений. На могилу наброшен триколор – российский флаг. Здесь работает цвет, византийская мозаика. Когда родные увидели проект, первым ощущением Татьяны и Наины Иосифовны был шок! Но они поверили в то, что это образ куда более значимый, чем Ельцин на танке. Затем меня поддержали в правительстве. Так что, заказчики становятся друзьями.

– Взаимоотношения художника и власти...

– Всю жизнь я ощущал себя независимым человеком. Гордым человеком. Не раз говорю интервьюерам: я самодостаточен. Свои убеждения ни с кем не обсуждаю, мой художественный мир не зависит от власти. Я это знаю, и власть уже это знает.

– Что для вас Одесса и что для вас Бабель?

– Одесса – город, очень близкий по духу Тбилиси. Масштаб города, его дворы, любимые мной платаны. Впервые я увидел Одессу, когда мне было 6 лет. И первое впечатление не замутилось. Я пронес его сквозь годы, хоть бывал здесь много раз. И сейчас у меня в Москве на стене висят картины одесских художников. Я не лекционер. Но «Апостол» Александра Ройтбурда и «Армения» Сергея Лыкова стали частью моего мира. Когда я их покупал у них, этих молодых ребят еще толком никто не знал. Но, видите, не ошибся. Для меня Одесса – это концентрация радости. Тут и мягкость человеческой среды, и плотность воздуха, и добрый запах жилища.

Бабеля я начал читать еще в школьные годы. Конечно, тогда не задумывался над его судьбой. Я просто упивался красками его мира. Сейчас читаю иначе – по несколько страниц, его нельзя читать залпом. Это как выдержанное вино. Не расплескать все чувства. Естественно, в зрелом возрасте я понял, что Бабель – фигура трагическая. Как он ни выглядел внешне, но наедине с собой он не мог быть благополучным. Конечно, он ощущал, что система его давит и может раздавить. Поэтому писал «в стол», для денег пробавлялся кинопроизводством, журналистикой. Но и то, что создано после «Конармии» и «Одесских рассказов», – литература высокой пробы.

– Оглядываясь назад, какие из своих монументальных скульптур вы оцениваете выше, какими менее довольны?

– Я не люблю оглядываться назад. Возможно, из трусости. Конечно же, боюсь увидеть недостатки. Но, конечно, умею смотреть на себя со стороны. Иногда радуюсь – как мне такое удалось, иногда огорчаюсь – как же я мог не заметить... Но в целом для меня важно то, что впереди. И поэтому вершину я определил одну – историю искусств. Для меня неважно стилистически, какое течение – «архаика» или «кубизм», какой жанр. Для меня важнее всего – целесообразность и такт. Если это есть, значит, все в порядке.

– Раз для вас важнее всего, что впереди, так действительно, что впереди, Георгий Варганович?

– В моей жизни всегда два праздничных мгновения: когда придумываешь и когда осуществляешь. Может быть, памятник Бабелю – одна из последних монументальных работ. Меня все больше увлекают камерные скульптуры. Начал делать работы из стекла, много рисую. Какое это счастье, когда в этот же день перед тобой законченная работа!

И все чаще вспоминаю слова, услышанные мной в Равенне. Я для одной старинной базилики делал распятие. Приехал кардинал, духовные лица. Они долго заседали. Затем ко мне вышел кардинал и сказал: «Сын мой, это прекрасное произведение искусства, духа и веры». Как это важно, чтобы во всем, что делаешь, была гармония... И с миром, и с самим собой.

Евгений Голубовский
Фото Анны Голубовской